

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 126–132
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 126–132
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>
EDN: DLWOFX

Научная статья
УДК 316.44

Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности: проблема дискурсивной иерархии

Л. Н. Мордишева, Ю. Р. Луканина, И. А. Юрасов ✉

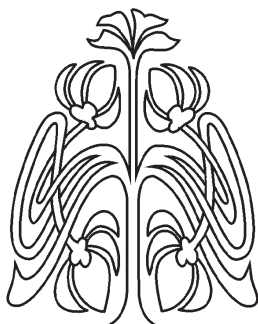
Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Мордишева Людмила Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», mordisheva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

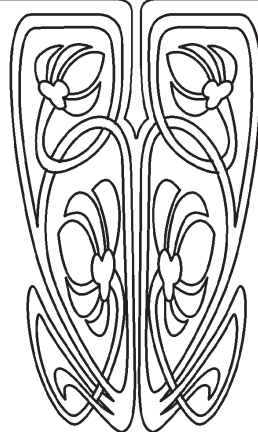
Луканина Юлия Рафаиловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, kaneeva58@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2724-1946>

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление», jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

Аннотация. Религиозная идентичность как форма соотношения человека, социальной группы с определенной социосемиотической вероучительной системой имеет различные типы: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная, номадическая, виртуальная, маргинальная. Любая религиозность сопровождается конкретными специфическими смыслами, которые объединяются в дискурсы. Типы религиозной идентичности отличаются друг от друга по многим показателям. Существенным среди них является специфическое дискурсивное сопровождение каждого типа религиозной идентичности. Религиозную идентичность сопровождают следующие дискурсы: философско-богословский, мифологический, идеологический, политический и художественный. Каждый тип религиозной идентичности создает свою специфическую дискурсивную иерархию. Одни дискурсы могут доминировать над другими, редуцируя одни смыслы и дискурсы и гиперболизируя другие. Нормативно-конфессиональная религиозная идентичность базируется на прецедентных текстах Священного Писания и Священного Предания и на глубоко вертикальном контексте, которые формируют сильный философско-богословский дискурс. Фольклоризированная идентичность, или так называемая народная религиозность строится на социально-коммуникативных отношениях «сказитель – слушатель». Фольклорная интерпретация основывается на субъективно-личностной интерпретации сказителя, который может произвольно что-либо добавить или исключить какой-либо аспект религиозной информации. Фольклоризированная религиозная идентичность не предполагает наличия прецедентных текстов и вертикального контекста. Доминирующим дискурсом народной религиозности в зависимости от субъективной интенции «сказителя» может стать мифологический, политический или художественный. Иерархия дискурсивного сопровождения религиозной идентичности основывается на сложном социосемиотическом процессе социальной метонимии, когда какой-либо аспект религиозного смысла, незначительный паттерн вторичного дискурса может заменять собой всю сложную систему вероучения. Нормативно-конфессиональная религиозная идентичность из-за своего дискурсивного сопровождения становится в поликонфессиональном

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

обществе важным смысловым элементом патриотического дискурса, укрепляющего общегражданскую российскую идентичность, в то время как все остальные типы религиозной идентичности из-за смысловой специфики и дискурсивной иерархии становятся базой дискурсов оппозиционности, фрондерства и в конечном счете этнического национализма.

Ключевые слова: дискурс, иерархия, религиозная идентичность, нормативно-конфессиональная, маргинальная, номадическая, виртуальная религиозные идентичности

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025 г. (проект «Типы религиозной идентичности и их влияние на общегражданскую идентичность: дискурс патриотизма и оппозиционности» РК 125081309527-5).

Для цитирования: Мордишева Л. Н., Луканина Ю. Р., Юрасов И. А. Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности: проблема дискурсивной иерархии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 126–132. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>, EDN: DLWOFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Discursive support of various types of religious identity: The problem of discursive hierarchy

L. N. Mordisheva, Yu. R. Lukanina, I. A. Yurasov ✉

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Lyudmila N. Mordisheva, mordisheva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1491-0227>

Yulia R. Lukanina, kaneeva58@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2724-1946>

Igor A. Yurasov, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2442-4452>

Abstract. Religious identity as a form of correlation of a person, a social group with a certain socio-semiotic religious system has various types: normative-confessional, folklorized, nomadic, virtual and marginal ones. Any religiosity is accompanied by certain specific meanings, which are combined into discourses. The types of religious identity differ from each other in many ways. Essential among them is the specific discursive accompaniment of each type of religious identity. Religious identity is accompanied by the following discourses: philosophical, theological, mythological, ideological, political and artistic ones. Each type of religious identity creates its own specific discursive hierarchy. Some discourses can dominate others, reducing some meanings and discourses and hyperbolizing others. Normative-confessional religious identity is based on the precedent texts of Holy Scripture and Tradition and on a deep vertical context, which form a strong philosophical and theological discourse. The folklorized identity, or the so-called "folk religiosity" is based on the social and communicative with relationship "storyteller-listener". Folklore interpretation is based on the subjective and personal interpretation of the narrator, who can arbitrarily add or exclude any aspect of religious information. A folklorized religious identity does not imply the existence of precedent texts and vertical context. The subjective intention of the "storyteller" - mythological, political, or artistic - can become the dominant discourse of folk religiosity. The hierarchy of discursive support of religious identity is based on a complex sociosemiotic process of social metonymy, when any aspect of religious meaning, an insignificant pattern of secondary discourse can replace the entire complex system of religious teaching. Normative-confessional religious identity, due to its discursive accompaniment, becomes in a multi-confessional society an important semantic element of patriotic discourse that strengthens Russian civil identity, while all other types of religious identity, due to their discursive accompaniment and discursive hierarchy, become the base of the discourses of opposition, frontage and, ultimately, ethnic nationalism.

Keywords: discourse, hierarchy, religious identity, normative-confessional, marginal, nomadic, virtual religious identities. Acknowledgements: research

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the state assignment in the field of socio-political sciences in 2025 (project "Types of religious identity and their impact on civil identity: a discourse of patriotism and opposition" RK 125081309527-5).

For citation: Mordishev L. N., Lukanina Yu. R., Yurasov I. A. Discursive support of various types of religious identity: The problem of discursive hierarchy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 126–132 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-126-132>, EDN: DLWOFX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Религиозная идентичность является важным аспектом системы социальных и социокультурных идентичностей в обществе, под которой понимается форма принадлежности человека, социальной группы к определенному религиозному течению, как форма исповедания и приверженности к конкретной системе религиозных догм. В российском религиоведении,

социологи религии выделяют в настоящее время пять типов религиозной идентичности: нормативно-конфессиональная, фольклоризированная, номадическая, виртуальная, маргинальная [1, 2]. Базовой религиозной идентичностью, на которой выстраиваются все конфессиональные системы в мире, является нормативно-конфессиональная, которая строится на основе преце-

дентных тестов Священного Писания и Священного Предания. Под прецедентными текстами понимаются специфические, художественно оформленные тексты, имеющие конкретную авторскую соотнесенность и известные подавляющему большинству людей, исповедующих конкретную догматически-каноническую систему определенной конфессии. Прецедентные тексты Священных Писания и Предания обладают специфической значимостью как в рациональном, так и эмоциональном планах. Эти тексты отлично известны сторонникам конкретной конфессии, они регулярно повторяются в суточном и годовом цикле богослужений и требуют широкого включения в «вертикальный контекст», под которым понимается конкретная историко-филологическая, социокультурная информация, окружающая элементы этого текстового литературного произведения. Историко-филологическое окружение объективно заложено в созданном литературном произведении [3, 4], многократное используется в речи, позволяет четко соотносить текстовую информацию с социокультурным окружением.

Важными историко-филологическими качествами прецедентных текстов являются: их значимость для носителей языка в рациональном и эмоциональном планах; сверхличностный литературный характер, выражающийся в известности как среди современных членов социума, носителей языка, на котором были созданы эти тексты, так и среди их предшественников; регулярная повторяемость в социокультурном и историко-филологическом контекстах. Эти качества позволяют соотнести прецедентную текстовую основу нормативно-конфессиональной религиозной идентичности с литературой, которая строится на строгих отношениях «автор – читатель». И читатель прецедентных текстов не может изменить, по-своему произвольно интерпретировать основные его темы и смыслы. Это свойство прецедентных текстов придает им строгость, структурированность, рациональность и логичность. Эти же свойства придаются текстам Священных Писания и Предания. Строгость и логичность догматики и канонов конкретной конфессии формируют базовый тип религиозной идентичности – нормативно-конфессиональную. Доминирующие семантические свойства прецедентных текстов Священных Писания и Предания, на которых базируется догматическо-каноническая система православия и ислама как основных традици-

онных религий, складываются в специфическое дискурсивное сопровождение: философско-богословский, мифологический, идеологический, художественный и политические дискурсы.

Настоящее социологическое исследование проводилось с мая по декабрь 2025 г. в городах Пензе, Казани, Уфе, Махачкале, Дербенте и Саранске. Исследование дискурсивного сопровождения православной и мусульманской религиозных идентичностей, как наиболее распространенных и массовых традиционных религий в Российской Федерации, проводилось с помощью качественных методов социологического анализа с применением глубинных интервью с верующими православными ($n = 72$) и мусульманами ($n = 59$). Также использовался метод наблюдения и включенного наблюдения над православными верующими и мусульманами, которые проводились в 2023–2025 гг. в Пензе и Казани. Кроме того, использовались анализ читательских формуляров библиотек при православных и мусульманских приходах (церквях и мечетях) и контент-анализ православных и исламских сетевых интернет-ресурсов. Для более точного исследования качественных данных применялся метод «снежного кома», когда опрошенные респонденты рекомендовали своих знакомых для дальнейшего анализа, а также форма посредничества верующих, исповедующих ислам, для опроса в мечетях и собраниях. Авторы исследования в ходе проведения качественного анализа дискурсивного сопровождения религиозной идентичности сталкивались с тем, что верующие мусульмане в Пензе, Казани отказывались идти на контакт и не давали согласия на прохождение глубинного интервью.

Под философско-богословским дискурсом в настоящем исследовании понимаются догматические, канонические смыслы, сопровождающие практику суточного и годового богослужения, паттерны, описывающие аскетическую практику той или иной конфессии, философскую и метафизическую интерпретацию профессиональной информации.

Под мифологическим дискурсом, сопровождающим религиозную идентичность, понимается базовый канал передачи мифологической информации, основными специфическими качествами которой выступают объединение в одном объекте идеального и реального, бессознательный уровень мышления, синкретическая выразительность. В мифологическом

дискурсе сливаются воедино субъект и объект и отсутствуют различия между естественным и сверхъестественным [5–8].

Художественный дискурс религиозной идентичности представляет собой систему духовных, конфессиональных, обрядовых, традиционных смыслов, выраженных в художественной литературе, литературную интерпретацию сюжетов Священных Писания и Предания, художественное описание быта приверженцев той или иной конфессии [9].

Идеологический дискурс является языковым выражением совокупности ценностной системы той или иной конфессии, выражающей интересы группы верующих. Он выражает общественные, межнациональные и межрелигиозные оценочные значения. Идеологический дискурс формирует православную и исламскую идеологии. Религиозная идеология передает в абстрактных понятиях аксиологическую систему и социально-политические воззрения на организацию общественной жизни.

Политический дискурс представляет собой воззрения той или иной конфессии на политическое устройство общества и государства, на возможные допустимые формы контактов с иноверцами, на борьбу с ересями, вероотступничеством, на вопросы прозелитизма.

Социо семиотической и историко-филологической основами фольклоризированной религиозной идентичности является произвольное народное творчество, фольклор, который строится на коммуникативном отношении «сказитель – слушатель». Любой слушатель, в свою очередь, тоже сможет стать сказителем и субъективно изложить основную тему повествования [10]. Фольклорное изложение религиозных смыслов предполагает субъективно-личностную оценочную интерпретацию сказителя, добавление или замалчивание какой-либо религиозной информации. Любая народная религиозность крайне бедна на глубокие религиозно-мистические смыслы, обладает специфическим дискурсивным сопровождением, в котором меняется догматическая иерархия религиозных дискурсов. Фольклоризированная религиозная идентичность более адаптирована к светской жизни, к ее бытовой стороне. Эта светскость народной религиозности нивелирует глубокие философско-религиозные дискурсы и выпячивает идеологические, политические, художественные смыслы. Приспособленность к профанному пространству, бедность сакраль-

ных смыслов философско-богословского дискурса приводят к тому, что у фольклоризированной религиозной идентичности отсутствуют прецедентные тексты и вертикальный контекст. Фольклоризированные околорелигиозные предания, субъективные интерпретации, комментарии сказителей по-своему выстраивают иерархию религиозных дискурсов.

Фольклоризированная религиозность, семантически усиливается «сельской религиозностью», под которой понимается эмоциональная форма выражения религиозности, подкрепленная сельским укладом жизни, бытом и циклическим сельскохозяйственным календарем.

В нормативно-конфессиональной религиозной идентичности формируется специфическая иерархия дискурсов: философский, идеологический, политический, художественный, мифологический. Фольклоризированная религиозная идентичность формирует следующую специфическую дискурсивную иерархию: мифологический, идеологический, политический, художественный, философский.

Специфической формой религиозной идентичности является номадическая, которая формируется и актуализируется исключительно в паломнических поездках. Паломничество на Святую землю, по монастырям и сакральным местам России и мира никак не регламентируется догматически и канонически в Русской православной церкви. Согласно канонам ислама, каждый правоверный мусульманин должен хотя бы раз совершить паломническую поездку по святым местам Мекки и Медины, но согласно авторским качественным социологическим исследованиям, проведенным в июне-декабре в Пензе, Казани, Уфе, Махачкале и Дербенте среди верующих мусульман, выяснилось, что в некоторых приходах Пензы и Казани есть верующие, которые посещали Саудовскую Аравию до 12 раз, и они признавались, что во время паломничества у них усиливались религиозные чувства и обострялась потребность в молитве и других аскетических практиках. Глубинные интервью с православными верующими тоже выявили 12% православных, которые выражали свою религиозную идентичность исключительно во время поездок по святым местам. Таким образом, была выявлена доля в 9–12% среди православных и мусульман, обладающих номадической религиозной идентичностью.

Дискурсивная иерархия, сопровождающая номадическую религиозную идентичность,

которая была выявлена во время глубинных интервью об их читательских предпочтениях, складывается таким образом: художественный дискурс, идеологический, мифологический, политический и философско-богословский.

Виртуальная религиозная идентичность среди православных и мусульман выражается в том, что эти люди испытывают религиозные чувства исключительно в сетевом информационном пространстве, в православных и мусульманских социальных сетях. Эта религиозная активность выражается в публикационной активности в религиозном сегменте интернета, в комментировании ритуалов и обрядов в исламе и православии, в обсуждении своих постовых практик, в обсуждениях молитвенного правила. Но более всего религиозная активность этой социальной группы выражается в постах и перепостах, посвященных поздравлениям с православными и мусульманскими праздниками и конфессиональными событиями. У людей, обладающих виртуальной религиозной идентичностью, складывается специфическое дискурсивное сопровождение. На первое место выходит идеологический дискурс, далее следуют нормативно-конфессиональный, художественный, мифологический, политический.

Маргинальная религиозная идентичность представляет собой деформацию религиозной идентичности, которая «формируется на основе фольклоризированной православной идентичности сельского вектора религиозного вероисповедания, характеризуемого гипертрофированием социосемантических смыслов крестьянской культуры» [11, с. 281]. «Маргинальная религиозная идентичность формируется на основе деформации нормативно-конфессиональной идентичности и ее трансформации в фольклоризированную идентичность. Маргинальная идентичность базируется на «сельском» векторе вероисповедания» [11, с. 280]. Семантическую выраженность маргинальной религиозности усиливают номадическая религиозная идентичность, повышенная эмоциональность. Маргинальная религиозность может состоять из либерального и консервативного крыла.

Фольклоризированная православная и исламская религиозность приводит к формированию маргинальной религиозной идентичности, которая из-за своего специфического дискурсивного сопровождения и формирования специфических триггеров ведет к блокировке общегражданской российской идентичности,

препятствует социокультурной интеграции регионов в России, становится источником этнического национализма, «фрондирующей религиозности», различного рода фобий и является базой антигосударственных оппозиционных настроений и важным элементом дискурса оппозиционности.

Именно маргинальную православную религиозную идентичность испытывает и описывает А. В. Малашенко, известный российский оппозиционер и противник российской государственной власти в своем эссе «Записки побежденного». «Мы о религии почти не разговаривали. Мы обходились без нее. Сделать религию не востребованной было одной из главных задач советской власти. Выполнило ли государство эту задачу? Скорее всего, да, потому что от бурного празднования той же (наследие язычества) Пасхи до сознательной веры, до обращения к Богу – очень далеко. Когда при Горбачеве начался религиозный ренессанс, «воцерковление» чем-то походило на «оживление лягушки». Да, люди потянулись в Церковь, но не к вере, а, скорее, чтобы вкусить от недавно запретного плода. Религия вошла в моду.

После снятия запретов и ограничений я перестал ходить в церковь. Почему? Потому что теперь ощутить свою свободу от государства мог везде. Церковное пространство перестало быть исключительным. А после обмирщения Церкви, решительной политизации православия, после того, как патриарх занял постоянное место в первом полуторадесятке политиков, то выше, то ниже Владислава Суркова, а РПЦ почти превратилась в подразделение президентской администрации, зайти в церковь все одно, что вступить в «Единую Россию»» [12, с. 171].

При маргинальной религиозной идентичности на первое место выходит политический дискурс, за ним следуют идеологический, мифологический, художественный. Философско-богословский дискурс исчезает и растворяется в идеологическом и мифологическом дискурсах. То есть маргинальная религиозная идентичность строится в основном на политически протестной, антигосударственной активности [13].

Нормативно-конфессиональная православная и исламская религиозная идентичность благодаря своему дискурсивному сопровождению создает государственно ориентированный дискурс патриотизма, основными паттернами которого становятся: строгая государствен-

ность, доверие к органам государственной власти, российским политическим лидерам, защита своей Родины от внешней и внутренней агрессии, оптимизм, вера в свои силы, социальная мобильность и активизм, любовь к малой и большой Родине, семейные ценности, стремление принести пользу своей стране и региону, рационализм, эмоциональное спокойствие и др.

Незнание догматического базиса своей исповедуемой религии приводит в среде верующих к развитию многочисленных синкретических культов, суеверий и даже ересей. Народное православие и ислам в этом случае трансgressируют и деформируются в маргинальную религиозность. Она, являясь пограничной формой религиозности, превращается в опасное социальное явление и формирует базу антигосударственных оппозиционных настроений, которые могут привести к развитию экстремистских настроений. Маргинальная религиозная идентичность становится основой развития этнического национализма, который, в свою очередь, препятствует социальной и социокультурной интеграции российских регионов и затрудняет формирование общегражданской российской идентичности, деформирует общероссийский патриотический дискурс и является источником аккумуляции оппозиционных смыслов и экстремистских настроений в обществе. Фольклоризированная и маргинальная религиозность, семантически усиленная «сельской религиозностью», народным исламом и православием, культивируют существенное недоверие к органам российской государственной власти и политикам, русофобию, этнический национализм, антисемитизм.

Дискурсивное сопровождение различных типов религиозной идентичности формирует свою специфическую базу семантических триггеров, которые могут усиливать или блокировать формирование государственно ориентированных смыслов, дающих широкий простор поверхностной, эмоциональной оценке и интерпретации догматически-канонической религиозной системы. Нормативно-конфессиональная православная и мусульманская религиозная идентичности формируют триггеры (патриотизм, уважение к старшим, к государственным традициям, государственным символам, семейным ценностям, образованию, науке) которые потенциально стимулируют формирование общегражданской российской идентичности. Особая семантическая и семиотическая потен-

ция формирования общегражданской идентичности закладывает вертикальный контекст прецедентных исламских и православных текстов.

Народная и маргинальная религиозные идентичности, сопровождаясь специфическими дискурсами, специфической дискурсивной иерархией, выдвигают религию как инструмент политической борьбы, ксенофобии, технофобии; адепты маргинального ислама и маргинального православия отрицают традиционную медицинскую помощь, культивируют экзистенциальный страх, извращенные суеверия, пессимистические эсхатологические псевдопророчества, недостоверный и субъективный профетизм, искусственную ажиотацию и др. Народная и маргинальная православная и исламская религиозности, семантически усиливаемые особой дискурсивной иерархией, оппозиционным антигосударственным дискурсом, формируют маргинальную субкультуру, которая отличается такими качествами, как религиозная эксклюзия, фрагментарная религиозная компетентность, недоверие к традиционным институтам канонической церкви и к традиционным политическим институтам, семантическое смешение модернизма и архаики, представление новых маргинальных синкретических религиозных институтов как формы старой утерянной традиции, поиск и гиперболизация конспирологических смыслов.

Таким образом, в ходе настоящего исследования авторы выявили, что различные типы религиозной идентичности, хотя и обладают практически постоянным набором сопровождающих их дискурсов, формируют различную дискурсивную иерархию, которая по-разному выражает семантически саму религиозность. Различное дискурсивное сопровождение религиозной идентичности приводит к редуцированию одних дискурсов, например философско-богословского, и неправомерной гиперболизации других, факультативных дискурсов (политического, художественного, идеологического), что нарушает формирование общегражданской российской идентичности и становится основой развития этнического национализма.

Список литературы

1. Аринин Е. И., Маркова Н. М. Философия религиозности: академическое введение в основные концепции и термины. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010. 154 с.

2. Кормина Ж. В. Номадическое православие: О новых формах религиозной жизни в современной России // *Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2012. № 2. С. 195–228. <https://doi.org/10.1353/imp.2012.0074>
3. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // *Вопросы языкознания*. 1977. № 3. С. 47–54
4. Коряжкина О. В. Роль вертикального контекста и различных видов интертекстуальности в лингво-позитическом анализе художественного произведения // *Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2019. № 2 (34). С. 19–25.
5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 348 с.
6. Кутковая Е. С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 35 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
8. Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса (Литературный текст: проблемы и методы исследования). Пособие по спецкурсу. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2000. 98 с. (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение).
9. Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. М. : ИНФРА-М, 2020. 196 с.
10. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Русские аграрные праздники. М. : МИФ, 2024. 544 с.
11. Юрасов И. А., Танина М. А. Феномен маргинальной религиозной идентичности: дискурс, структура // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–283. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-279-283>
12. Малашенко А. Записки побежденного // *Знамя*. 2015. № 3. С. 162–176.
13. Цыпин В., протоиерей. О религиозном возрождении и церковном диссидентстве 1970-х годов. URL: <http://www.pravoslavie.ru/59385.html> (дата обращения: 20.12.2025).

Поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 12.02.2026